

18. ПОМИНКИ В РОМАНОВКЕ

В 1992 году меня срочно вызвали в деревню Борск Брестской области в качестве консультанта по бумаге. Бумага была старая. Примерно такой толщины, как бланк "похвальной грамоты" советского периода. Свет не пропускала, тайно-водяных знаков не имела. Пожелтела от времени, обрела благородно-гнилостный запах, похожий на библиотечный.

Деловым польским языком бумага свидетельствовала, что в 1930 году житель деревни Борск Роман Ярчук купил в имении Корбаки, принадлежащем помещику Баровскому, участок земли (указывались ориентиры на местности) и что эта земля является его или наследников частной собственностью НАВЕЧНО. Ценный документ! Чем я поторопился обрадовать деда, Илью Романовича Ярчука, наследника той земли и этой бумаги, пролежавшей в земле 60 (шестьдесят!) лет.

В 1929 году у Романа Ярчука имелось в собственности: полгектара земли, дом с комплексом хозпостроек, две коровы, лошадь. По меркам Западной Белоруссии, он был не бедняк, но и не помещик. Собственность была нажита потом семьи. Дети работали наравне со взрослыми.

Детей было трое, три сына, по старшинству: Роман, Григорий, Илья. Семье, роду грозила бедность, ибо грозил раздел земли по случаю грядущей женитьбы сынов.

"Все сторит, а земля останется." Так говорил отец. Илья Романович запомнил. Как Отче наш.

В 1929 году отец уехал в Америку на заработки. Попал в шахту. Вернулся через полтора года. Привезенных денег хватило, чтобы купить у польского помещика два с половиной гектара супеси.

Чтобы довести землю до нормы, Ярчукам — отцу, сынам и невесткам — потребовалось два десятилетия изнурительного труда. Богачами они не стали, но песок унавозили хорошо. Земля кормила. Кормила при поляках (до 1939), при "тех советах" (сентябрь 1939 — июнь 1941), при немцах (июнь 1941 — июль 1944), при "новых советах" (1944 — 1949).

В 1949 году в Борск нагрянула коллективизация. Ярчуки подлежали высылке. Отец, мать, два старших брата с семьями были отправлены в Архангельские леса. Баржа, на которой они плыли по северной реке, оказалась дырявой. Все утонули.

По неведомой логике был помилован один Илья, холостяк. Ему оставили дом. Землю, инвентарь, скот, сарай забрал колхоз имени Суворова.

Прощаясь, отец успел сообщить сыну последнее, что хотел: "Купчая на землю закопана в погребке под печью."

Через полвека, летним субботним днем, к дому деда Ильи подкатила белая "Волга". Из нее вышли двое. Вежливо постучали, почтительно поздоровались, спросили у деда Ильи, действительно ли перед ними он (назвали по имени-отчеству), предложили немислимую сумму за купчую на землю. Мы тебе, дед, деньги, ты нам — дарственную на документ.

Дед Илья — не робкий дед, он в 70 лет ездил на мотоцикле. Однако тут ноги у него сделались слабые, как он мне позже рассказывал. Первое, что у него промелькнуло в голове: "Как они узнали про купчую?"

Далее дед взял себя в руки и твердо сказал, что вы, хлопцы, ошиблись, не туда пришли. Они как бы не расслышали. Предложили подумать, сказали, что наведаются через недельку.

Сели в "Волгу", укатили. А дед стал думать, что делать. Раз дают такие деньги — значит, бумага имеет свою цену. Значит, земля вновь стала дорогая, как в моей молодости. Но это же МОЯ ЗЕМЛЯ!

Поле Ярчука колхоз имени Суворова забросил. Зачем возиться с тремя гектарами, если государство подарило тысячу гектаров осушенного торфяника?

На свое поле дед Илья ходил ... за грибами. Лес там вырос сосново-березовый. В народе лес называли именем отца — Романовка. Дед Илья бывал в своем лесу часто, и за грибами-ягодами, и так, посидеть. Поговорить с отцом, матерью, братьями. В шуме берез и сосен он слышал их голоса.

Однажды на Романовке случился пожар. Односельчане бегали тушить, лес спасли. Дед Илья тоже побежал. А когда увидел пламя, обмяк. Он знал: его родные утонули в ледяной воде, но их души жили на Романовке. Он верил, что они там. Теперь они горели живьем. Односельчане спасли и его лес, и его родню.

Кроме купчей, у деда была закопана водка. Он закопал шесть ящичков "Московской", когда сыну исполнилось десять лет. Он знал: сын будет жениться, а водка подорожает. Дед Илья знал все на века вперед, потому что нес в себе память предков. То, что было, обязательно будет еще и еще.

Когда зашаталась власть, уничтожившая его родню, когда пошли разговоры о фермерстве, дед Илья вспомнил про купчую. Он подумал, что теперь ему вернут его землю. Документ-то есть. Иначе зачем был писан! Почему последним наказом отца был именно документ, жалующий Ярчукам вечность, то есть собственную землю!

В очередной приезд сына из Ленинграда дед Илья откупорил бутылку с купчей, извлек бумагу, свернутую трубочкой, сказал не без волнения в голосе и в душе: на, сын, владей, пришла пора, лес там хороший, строевой, а новый, где сгорело, подрастает. Сын рассмеялся, купчую обозвал филькиной грамотой, а насчет фамильной Романовки выразился, что пусть вся выгорит, она не нужна ни ему, ни вшивому государству, которому отец поверил.

Дед поехал в райисполком. Старую бумагу разглядывали разные начальники. Восхищались, что долго сберегалась, что отлично сохранилась. Интересовались технологией хранения. А когда дед Илья сказал, что теперь у него есть законные права на урочище Романовка, смеялись, как сын, весело, обидно.

Я спросил у деда, не опознал ли он среди тех двоих, из "Волги", чиновников из райисполкома. Он сказал, что это не те, что смеялись.

Они-то смеялись, но они хитрые. Версия может быть только одна: чиновники навели на деда бандитов. Это называется мафия, дед Илья. Мафия приватизации. Она забрала то, что принадлежало всем нам. Ваш лес тоже хочет забрать. Ищет формальную зацепку, вашу купчую. Урочище Романовка — лакомый кусок.

В Минске я показал бумагу деда Ильи юристам и госслужащим. Высоквалифицированные эксперты продемонстрировали мне, что в их душах сохранилась детская непосредственность. Они скребли документ ногтем и пытались пробовать на зуб, да я не дал. Они мямлили, что никто в государстве не знает, как поступить с бывшими владельцами собственности либо с их наследниками. Нет закона. В Прибалтике есть, в Белоруссии нет. Там строят капитализм, а у нас социализм с человеческим лицом. Кроме того, Западная Белоруссия была в составе Польши, а с Польшей у нас нет соглашения о взаимном признании прав собственности, возникших в те далекие времена. Да и частная собственность на землю — это вопрос! Не зря депутаты так спорят о земельном законе. Может, что-нибудь обнадеживающее для вашего деда и родят. Пусть пока свою бумагу спрячет.

Дед так и поступил: бумагу никому не отдал, спрятал в той же бутылке в том же месте. Следил по телевизору, как депутаты спорили о том, что для него было бесспорно и законно — о собственной земле, данной человеку для вечного труда на ней. Депутаты спорили о земле несколько лет, будто им больше нечего было делать. При Лукашенко парламент наконец родил земельный закон, однако ничего обнадеживающего для деда Ильи туда не вложил.

"Государство не имеет права разбазаривать свое главное богатство — раздавать землю кому попало." Таким приговором завершалась статья знакомого мне публициста. Мятая газета со статьей лежала у деда на кровати. Он сунул ее в мои руки: "Почитай, что пишет нелюдь", а сам полез в погреб. Вылез оттуда с бутылкой, где хранилась купчая. Распечатал. Читать не стал, даже не развернул. Молча чиркнул спичкой, поднес к бумажной трубочке, перевязанной красным шнурочком. Шнурочек вспыхнул и быстро сгорел. Бумага долго мучительно тледа. Это ГОРЕЛО ВРЕМЯ.

После того как все сгорело, мы с дедом сходили в урочище Романовка, расположились там на микрополянке, выпили остатки "Московской". Справили поминки по прошлому и будущему.

В 1997 году эпохальный человек, воплощающий собой нетленную мечту о собственной земле, потомственный крестьянин Илья Романович Ярчук, законный владелец трехгектарного лесного массива в урочище Романовка умер безземельным, бесправным. Его лес грабит государство, прерывающее связь эпох, останавливающее время.

В 1992 году в одном минском строймагазине давали кирпич. Понятное дело, где дают, там давят в очереди. Потому что кирпича, как прочего товара, всем желающим не хватало. Что делает человек по прозвищу Совок, когда чего-то не хватает? Кирпичом бьет соперника по голове. И когда окровавленный мужчина из очереди уже лежал на земле, а второй мужчина из очереди размахнулся кирпичом для смертельного удара, и когда очередь в ужасе оцепенела, — тогда из хвоста отделилась газета и в мгновение ока перекрыла кирпичу уголовный путь.

То была газета "Правда". Я узнал по верстке (все-таки профессионал). Я давно заметил ее в хвосте очереди и норовил заглянуть за ее разворот: кто так демонстративно, так усердно, так невозмутимо читает оппозиционную газету в боевых условиях очереди? Но я видел только мужскую фигуру без лица. Лицо постоянно было за газетой. Мне даже показалось, что мужчина прячется за "Правду".

И вот, наконец, его лицо — бледное от пережитого волнения. Как говорится, не лицо, а лик. Лик мужественного поступка. Мужского поведения. Спортивной реакции. Женщины из очереди вслух восхищались им. А я поздоровался. Он кивнул в ответ. Мы были хорошо знакомы, поэтому он прятался от меня за разворотом газеты.

Я вспомнил аналогичные экстремальные ситуации с его участием. Мы, помню, шли по мягкой дорожке пустынных коридоров. Изредка навстречу попадались опрятные мужчины с листками в руках. На ходу здоровались.

Листки от движения шелестели. Было тихо, был хорошо слышен бумажный ветерок.

У двери с табличкой "ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ" мы остановились. Милиционер у тумбочки козырнул, внимательно, не формально, прочитал мое удостоверение, задержал взгляд на моем портфеле, вежливо молвил: "Пожалуйста".

Первый секретарь, демонстрируя партийную демократию, оставил свое место под Ильичем, сел с нами за длинный стол. Пряжки моего портфеля, лежавшего на столе, отражались, как в зеркале. Первый секретарь разговаривал с нами и туда, на портфель, поглядывал. И вдруг говорит: "А что если твой портфель поцарапает стол! Пряжки у него острые!" Я воспринял как шутку. До того было неожиданно. Я хохотнул, хотя не хотелось. На любые шутки Первого в ЦК положено было без промедления отзываться. Это блестяще показывал мой спутник по пустынным коридорам, инструктор ЦК, помогавший мне брать интервью у Первого. Однако шутку о портфеле инструктор почему-то не воспринял. То есть не хохотнул. Устал? Прозевал боевой момент?

Первый вновь глянул на мой портфель и сказал: "А если там — мина?" Не успел я сообразить, шутит Первый или нет, как инструктор сгреб портфель, прижал к своей груди, бегом побежал в приемную. Миг — и там раздался взрыв. Первый полез под длинный стол. Я выбежал в приемную. Белым пухом кружились бумажки. Секретарша висела на хрустальной люстре, оголив красивые ноги. Инструктор корчился на полу, громко стонал...

Шутка! Про взрыв. Все остальное — истинная правда.

Вернувшись из приемной без моего портфеля, инструктор аккуратненько сел за зеркальный стол, и мы втроем благополучно проработали черновой вариант интервью Первого секретаря ЦК для газеты.

Затем мы остались с инструктором вдвоем в его кабинете. Я думал, он будет смущен. Выругается. Посмеется с маниакальной подозрительности Первого. Нет. Инструктор вел себя как ни в чем не бывало. "Так надо было", — сказал кратко. Я был пришиблен от увиденного. А ему не было стыдно. Он привык к идиотизму ЦК, своего родного дома. Постоянная готовность к самопожертвованию была его естественным состоянием.

В ЦК его взяли в тридцатилетнем возрасте. Он просидел там 25 лет. В неизменной должности инструктора. Сменилось пять Первых. А он сидел на своем стуле. Не рвался вверх. Наверху было больше крутежа. На своем стуле он сидел и писал. Справки, речи, объективки, доклады, обзоры, интервью Первому и Второму.

В годы перестройки он не ударился, как иные сожители по дому, то есть ЦК, в демократию. Он сделался яростным публицистом, защитником партии. Он писал: "Долг партии — наглядно показать людям, что верные сыны отечества требуют от себя гораздо больше, чем от других. Этими качествами, в значительной степени утраченными, всегда обладали лучшие коммунисты. И сейчас нет другой надежды, нежели возрождение партийного альтруизма."

Это не пустые слова. Это его жизнь. Жизнь в ЦК. С восьми утра до десяти вечера. В сорок лет у него забарахлило сердце. Трое детей выросли без него. Он был плохим отцом и мужем. Зато был преданным сыном. Казенным сыном ЦК.

Мы вновь собирались в кабинет к Первому. Это был уже другой Первый. "Подожди!" — попросил инструктор. Достал из шкафа щетку, тщательно вычистил пиджак, застегнул на все пуговицы, мне посоветовал тоже почистить и застегнуть.

Прежде чем приступить к делу, он положил на стол Первого газетную вырезку, принесенную с собой. "Для вас", — сказал кратенько. "Что ты мне подсунул?" — грубо спросил Первый. "Комплекс упражнений от остеохондроза." — "Забери свою х ... ю!" — Первый отбросил от себя бумажку, его щеки, лежавшие на лацканах, налились кровью, как жабры. Инструктор почтительно забрал х ... ю, положил в свою тоненькую папочку без пряжек. Его лицо не выражало ни гнева, ни обиды.

Казалось, он был лишен нормальных человеческих чувств. Точнее их забивали чувства иного ряда. В годы перестройки он дал им волю. Он писал: "Если скрипкой забивают гвозди, это не значит, что пропала музыка. Если ряд руководителей оказался неспособным извлечь музыку социализма из скрипки революции, то социализм здесь ни при чем."

В 1991 году его дом заняли другие люди, прогнав оттуда партию, Первого, Второго, Третьего и прочая, прочая, вплоть до инструктора. Он пошел в очередь за кирпичом.

— Стоишь? — спросил я, чтобы не молчать.

— Стою.

— А зачем тебе кирпич?

— Как всем. На дачу. Решил строить.

— Разве у тебя нет дачи? А служебная? Ведь работники ЦК успели свои дачи приватизировать.

— Я был всего лишь инструктор, — сказал он. Ему стало неловко. Хоть возьми да вновь спрячься за "Правдой".

— Желая тебе быстрее вселиться в собственный дом! — сказал я от души.

Я порадовался за него, за безликого сына ЦК. Четверть века прожил там сиротой, собственные дети были тоже сиротами. Кошмар в прошлом. Он стал отцом и семьянином. Наконец он превратился в нормального человека.

Нормальная жизнь вернулась в Беларусь в 1992 году. Осторожненько пробралась на разведку. Обнаружила, что белорусы еще не исчезли, не потеряли вкуса к ней, к нормальной, безыдейной, беспартийной, беспрограммной, свободной жизни ради самих себя, еще помнят гордого земляка на коне да под древним бело-красно-белым стягом.

Начало девяностых (1992 — 1994) в учебниках истории когда-нибудь квалифицируют как "второй период белорусизации в двадцатом веке". Сын ЦК в эти годы нигде не работал, ни в чем не участвовал. В прессе не выступал. Однажды я видел его на автобусной остановке, он стоял небритый, помятый.

Осенью 1994-го я прочел в государственной газете его панегирик новой власти. О Лукашенко он писал как о мессии белорусского народа. Бывший инструктор ЦК вернулся в казенный дом, не достроив дом собственный. Встал на службу режиму, который прерывает время, лишает людей вечности. Это его статью дед Илья дал мне почитать, прежде чем сжег свою землю.

1999